

СУЧАСНАЕ СУПАСТАЎЛЯЛЬНАЕ МОВАЗНАЎСТВА І ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

ОБРАЗ «ЭМИГРАНТСКОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БОРИСА ШИРЯЕВА

Гурская Яна Александровна

магистрант учреждения образования

“Витебский государственный университет имени П.М. Машерова”

(г. Витебск, Беларусь)

Представители литературы русского зарубежья ещё во времена становления в 20–30-е годы XX века осознавали свою обобщённость и оторванность от литературного процесса собственно русской советской литературы. Сложные взаимоотношения складывались и с региональными течениями, доминировавшими в странах Западной Европы, Китае и Соединённых Штатах. В сложившихся обстоятельствах залогом целостного развития стало направленное и кропотливое изучение собственного круга как уникального явления, в результате чего современное литературоведение получило возможность проследить ключевые моменты формирования литературы русского зарубежья как таковой.

Поднятые в произведениях писателей-эмигрантов темы и показанные ими образы не просто стали отражением эмигрантской действительности в Европе начала XX века, но и заложили основы восприятия русского человека в прямом соприкосновении с западной культурой. Ведущую роль в этом сыграли писатели младшего поколения первой волны эмиграции, произведения которых представляют собой симбиоз внешней адаптации к новым жизненным реалиям и сохранённой внутренней национальной самобытности. Данный дуализм имеет как социальное, так и духовное начало, он лёг в основу изображения русского характера в заведомо чуждой культурной среде и получил распространение в литературной критике как типологический образ «эмигрантского молодого человека» (термин Б.Поплавского) [1, с. 176].

Для литературы первой волны эмиграции характерными чертами данного образа являются способность адаптироваться в новой – эмигрантской – окружающей действительности, ярко выраженная ностальгия, проявляющаяся во внутренней разобщённости, общий пессимистичный взгляд на будущее, даже при условии материального достатка. Молодой эмигрант резко противопоставлен окружающим, он не ассоциирует себя с другими наци-

ональностями (не воспринимает понятие «мы» в значении «европейцы», «парижане», «литераторы») и не склонен к ассимиляции, проявляя глубоко национальные черты.

С окончанием Великой Отечественной войны началось формирование второй волны русской эмиграции. Мотивы, побудившие тысячи людей к бегству, обрѣкшие на жизнь в лагерях для перемещѣнных лиц, условия, в которых им приходилось существовать, разительно отличали их от предшественников. Поэтому взгляды и отношение к эмигрантской действительности у представителей второй волны иные. Перенеся образ эмигранта второй волны в реалии художественной действительности, писатели создали новый образ молодого эмигранта.

Одним из представителей писательского сообщества второй волны был Борис Николаевич Ширяев. Его произведения, изданные в Лагунской Америке в начале 1950-х годов, имеют автобиографическую основу и рассказывают о жизни русских эмигрантов, неустанно заявляющих: *«Мы – русские антикоммунисты и бежим от русских»* [2, с. 22]. Декорациями в историях служит послевоенная Италия, а главными героями выступают люди разных национальностей (русские, белорусы, украинцы, представители русского казачества, казахи, кавказцы), прошедшие долгий и тернистый путь лагерей и нищеты. Однако, вопреки ожиданиям, общий тон, задаваемый героями, позитивный. Сам факт «освобождения» от Советской власти компенсирует любые физические лишения: *«Вот для всех ваших [...] немцы враги были, поработители... А я за них каждый день молюсь, что вывезли, выволили из жизни этой проклятущей...»* [2, с. 104].

С юмором и самоиронией герои относятся к выживанию в самой эмиграции: *«Фортуна! Моль-то фортуна! Пароль д'онер! Ни одной старухи не задавишь, итальянская твоя голова! Чента лире! Дешѣвка... Покупаре и пеньяре монэтто!»* [2, с. 104], на «русско-гало-романском наречии» продаѣт главный герой тряпичных кукол, в анекдотичной форме персонажи рассуждают о сборе окурков американских сигарет, остатки табака из которых можно выгодно перепродавать. Из всех профессий, позволяющих наиболее удачно обустраиться, будучи Ди-Пи, автор называет «специализацию» Люси *«с её поистине замечательным годовалым сыном»* [2, с. 94], который за столь короткий отрезок жизни *«сумел пять раз изменить имя и национальность»* [2, с. 95], обеспечивая матери выплаты в бюджетном порядке.

Показательными являются и образы Володи-садовника и Володи-певца из романа «Ди-Пи в Италии». Первый, будучи на половину латышом, попал в списки «SS», *«повоевал под Ленинградом, в Либии, на Дону <...> попал в плен под Монте Кассино»* [2, с.78], в мае 45-го ему удалось сбежать, после чего молодой человек предался беззаботной жизни в итальянском лагере для пере-

мещённых лиц Чине-Читта, где даже стал старшим садовником. Второй же был знаменит тем, что «к августу 1945», пробравшись на пароход и всю дорогу развлекал матросов песнями, «успел уже съездить в Нью-Йорк и вернуться оттуда <...> в Геную и далее – в Рим» [2, с. 79]. Оба эмигранта на судьбу не сетуют, легко проживают каждый день.

Тем не менее, несмотря на явную фарсовость изображаемой действительности, герои не упускают шанса подчеркнуть неоднозначность своего положения. Противостояние «русский человек – советский человек», «монархист – коммунист» берётся за смысловую основу становления второй волны как таковой. Но единого взгляда на сложившиеся обстоятельства герои не имеют. Они говорят о сверхзадаче, об исторической миссии, называют себя предвестниками «великой войны», однако реальных действий не совершают, а попытки оных воспринимают как советскую пропаганду.

Герои Бориса Ширяева однозначно довольны жизнью в своей бездейственности, примечательным в этом отношении является следующее высказывание: «Пели много, но вопреки эмигрантским традициям, неизбежная в зарубежных собраниях «тоска по Родине», не прозвучала ни в одной ноте» [2, с. 73]. С той же красочностью, с какой они говорят о ненавистной им власти, автор подчёркивает духовную близость эмигрантов второй волны с религией. Подробно описывается доброта католических священников и монахинь, снабжавших «странников» не только едой, но и кровом, деньгами, пышность богослужений, язвительные вставочки об избавлении от «опиума» на родине. Помимо религиозных деятелей, эмигрантам помогали и представители первой волны эмиграции (автор упоминает князя С.Г.Романовского и встречу с Великим Князем Владимиром Кирилловичем, рассуждая о его возможности взойти на престол), так что «создался общий язык и глубокое взаимное понимание между старейшими из «старых» и новейшими из «новых» российских изгоев» [2, с. 67].

Таким образом, «эмигрантский молодой человек» в произведениях Бориса Ширяева – это преимущественно семьянин, с оптимизмом смотрящий в пока ещё туманное будущее, с ярко выраженными национальными чертами, смекалистый, доброжелательный, стремящийся восстановить связь с историческими корнями и адаптироваться в новых социальных условиях. Вместе с тем он лишён «духовной связи» с Родиной, тридцатилетнюю Советскую действительность игнорирует, не признавая появление нового русского советского человека, полностью «существуя» в рамках Российской Империи. Безусловно, невозможность принятия исторических событий и, в виду закономерного разрыва с эмигрантами первой волны, полноценного сближения со своими единомышленниками, является главной трагедией данного поколения и причиной их обособления.

Литература

1. Попплавский, Б. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3 : Статьи. Дневники. Письма / сост., коммент., подгот. текста А. Н. Богословского, Е. Менегальдо. – М. : Книжница ; Русский путь ; Согласие, 2009. – 624 с.
2. Ширияев, Б. (Алымов, А.) Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол / Б. Ширияев. (А. Алымов). – Буэнос-Айрес : Наша страна, 1952. – 275 с.
3. Ширияев, Б. Я человек русский / Б. Ширияев. – Буэнос-Айрес : Наша страна, 1953. – 128 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова